ИСТОРИЯ

Рое. газ. - 1993. - 25 авг. - с. 8.

Как Шаляпин землю покупал

Об этом малоизвестном факте из жизни великого русского певца правдиво и образно рассказал его друг художник Константин Коровин в своей книге «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь», впервые изданной в Париже в 1939 году. У нас она вышла в издательстве «Московский рабочий» только в этом году.

Шаляпин часто гостил у Коровина в деревне во Владимирской губернии. Вот и в тот раз, о котором рассказывается, на берегу у старой мельницы собралась знакомая компания: Коровин, Шаляпин, художник Валентин Серов (для близких — Антон), старый мельник Никон Осипович и слуга Коровина — рыболов и бродяга Василий Княжев. Над насыпью высился огромный еловый лес, летали стрижи, задевая тихую воду своими крылышками.

Шаляпин был не в духе. Только что он упустил из рук в воду пойманного на удочку большого шелеспера и, стараясь схватить его, бросился в омут в одежде. Разумеется, шелеспера он не поймал. Снимая мокрое платье, продолжал недовольно бурчать. Переодевшись и поспав в палатке, Шаляпин к вечеру стал наблюдать с другого берега, как Коровин и Серов писали с натуры на холсте.

«— Ты знаешь ли Константин Алексеевич! — кричал Шаляпин через реку. — Вот здесь вот, у леса, я построю себе дом.

— Это казенный лес, тебе не дадут здесь построить.

— То есть почему же это, позвольте вас спросить?

— Потому что не дадут, казенную землю купить нельзя.

— Слышь, Никон Осипович, ведь это жить так нельзя!

Позвольте,— обратился опять к нам Шаляпин,— я подам на высочайшее имя прошение.

— Царь не имеет права поступить не по закону.

— Антон! — крикнул он Серову. — Ты слышишь, что Константин говорит?

— Константин прав, — сказал Серов.

— Ведь это черт знает что такое. В этой стране жить нельзя.

— Арендовать можно, — сказал Василий Княжев.

— Арендовать я не желаю. Потом отберут.

И Федор Иванович опять сердился, скинул валенки, портки, рубашку и полез купаться.

О чем эпизод? Оказывается, не все так просто было и есть в России с землицей-то! И о законопослушании царя-батюшки, от чего мы давно уже отвыкли. Так завяжем на всякий случай узелки на память.